

САМАЯ ЧИТАЕМАЯ ПОСЛЕ БИБЛИИ КНИГА В ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА

Первый и второй том «Космоса» Александра фон Гумбольдта

ИОГАНСОН Лидия Ивановна,

кандидат геолого-минералогических наук

Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН

DOI: 10.7868/S00044394822020062

Человек не может воздействовать на природу, не может завладеть никакой из ее сил, если не знает законов природы, не умеет измерять и вычислять их. Знание и изучение суть радость и право человечества; они суть части народного богатства и нередко замена благ, слишком скудно распределенных природой.

А. Гумбольдт

Свое главное произведение «Космос» немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как науки Александр фон Гумбольдт (1769–1859)¹ создавал на протяжении нескольких последних десятилетий. Этот обобщающий труд, подводящий итоги как сумме научных знаний своего времени, так и собственным научным воззрениям, «дело своей жизни» – знаменитый естествоиспытатель писал вплоть до последних дней, так и не успев его закончить. При жизни автора вышли в свет четыре тома (1845, 1847, 1851, 1858), пятый том был издан посмертно (1862). Предыстория «Космоса» начинается гораздо раньше работы над книгой. Первые мысли о подобном произведении, охватывающем все известные знания о мироздании, «физике мира», и имеющем популярное изложение, возникли у совсем молодого ученого в 1796 г., еще до Американской

экспедиции (1799–1804). В 1808 г. была опубликована книга «Картины природы с научными пояснениями»², содержащая многие аспекты будущего «Космоса»³. Присущая Гумбольдту склонность к популяризации науки вылилась позднее в ряд докладов, которые были прочитаны для узкого круга в Париже в 1825 г. В Берлине это начинание получило дальнейшее успешное развитие в виде двух циклов лекций с широким резонансом: между 3 ноября 1827 г. и 26 апреля 1828 г. в Берлинском университете Гумбольдт прочитал 61 лекцию, а в самом большом берлинском общедоступном зале Певческой академии с 6 декабря 1827 г. по 27 апреля 1828 г. – 16 лекций. Эти выступления стали ярким событием в общественной

² Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen.

³ Humboldt A. von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. Bd 1. Über die Steppen und Wüsten. Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse. Über Wasserfälle des Orinoco, bei Atures und Maypures. Tübingen: J.G. Cotta, 1808.

¹ Есаков В.А., Маркин В.А. Александр фон Гумбольдт // Земля и Вселенная. 2000. № 2.

жизни Берлина, на них «приходили не только студенты, профессора и учителя; среди слушателей случалось находить-ся самому королю и членам королев-ской семьи; здесь часто бывали поли-тические деятели, известные художни-ки и архитекторы; в зале сидели кня-зья и ремесленники, офицеры и буржуа, мужчины и женщины – все устремля-лись в Певческую академию, чтобы по-слушать лекции Гумбольдта, о которых судил и рядил весь Берлин»⁴. После за-вершения лекций Гумбольдту была пре-поднесена медаль с изображением Солн-ца и надписью на латыни: «Озаряющий весь мир яркими лучами»⁵.

Представитель известной издатель-ской династии И.Г. Котта (1796–1863) предложил застенографировать и из-дать этот «великолепный курс о чуде-сах природы» в виде отдельной книги, но Гумбольдт отказался. Предложение было заманчиво, в том числе и в мате-риальном отношении, но автор пола-гал, что его лекции не готовы для пуб-ликации. Однако это послужило дей-ственным стимулом для переработки имеющегося материала в книгу. Итак, с начала 1830-х годов он начинает рабо-тать над научно-философским трудом с предварительным названием «Очерки физического мироописания»⁶.

К 1834 г. возникло другое, оконча-тельное название работы «Космос»⁷. В письме от 24 октября 1834 г. к близ-кому другу, писателю и дипломату Карлу Августу Варнгагену фон Энзе (1785–1858) Гумбольдт писал: «Я имею безумное намерение изобразить весь материальный мир, все, что мы зна-

А. фон Гумбольдт в период работы над первым томом «Космоса». В руках у Гумбольдта рукопись будущей книги. Художник Йозеф Карл Штиелер, 1843 г.

ем о явлениях небесных пространств и земной жизни, от туманных звезд до мхов на гранитных скалах – и все это в одной книге, которая бы и пробужда-ла интерес к предмету живым доступ-ным языком, и отчасти служила отдох-новением для души. Каждая большая и важная идея, где-либо промелькнув-шая, должна быть здесь зафиксиро-вана. Книга должна воссоздать целую эпоху истории духовного развития человечества и его познания приро-ды. Я хотел сначала назвать ее “Кни-га природы” как назвал свое сочине-ние Альберт Великий. Потом я выбрал “Космос”. Конечно, это слово громкое, не без известной напыщенности, зато разом оно обозначает небо и землю» [цит. по⁸].

⁴ Скурла Г. Александр Гумбольдт. М., 1985. С. 196.

⁵ Illustrans lotum radiis splendentibus orbem.

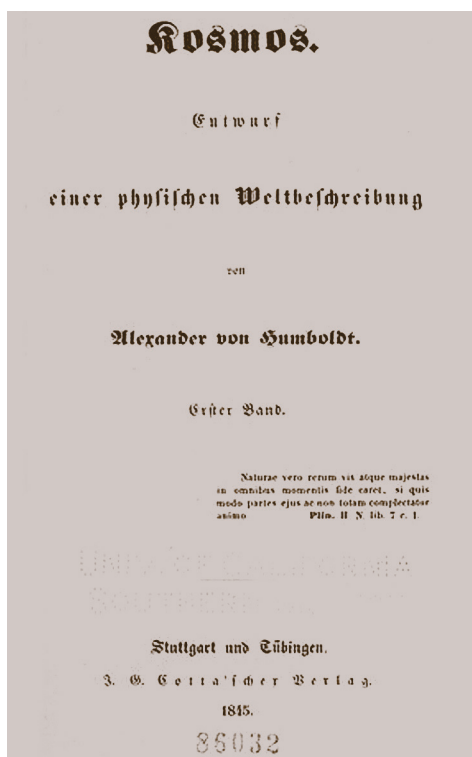
⁶ «Essai sur la physique du monde».

⁷ «Kosmos: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung» – «Космос. Проект физического опи-сания мира».

⁸ Энгельгардт М. Александр Гумбольдт: Его жизнь, путешествия и научная деятельность. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 121.

Автопортрет. Париж, 1814 г.

Титульный лист первого немецкого издания «Космоса», 1845 г.

Первый том «Космоса» вышел в издательстве «Котта» в Штутгарте в 1845 г. Во введении Гумбольдт сделал характерное признание: «На позднем закате многоволновавшейся жизни я передаю немецкой публике сочинение, план которого почти полстолетия носился в моей душе. В иные минуты я считал исполнение этого творения невозможным: оставив его, я опять, быть может, неосторожно, возвращался к нему. Посвящаю его моим современникам с робостью, которую должна внушать мне справедливая недоверчивость к моим силам. Я стараюсь забыть, что долго ожидаемые сочинения всех менее встречают снисхождение. Главным моим побуждением всегда было стремление обнять явления внешнего мира в их общей связи, природу, как целое, движимое и оживляемое внутренними силами»⁹. «Космос» пользовался сенсационным успехом у немецкой публики, книга неоднократно переиздавалась и мгновенно раскупалась, а в дни празднования 100-летия Гумбольдта ее издатель признал, что это самая читаемая книга в Германии после Библии.

Многотомный научно-философский труд «Космос» – произведение особенное. Его специфика заключается не только во внушительной сводке научных сведений, но и в способе подачи материала, и, пожалуй, именно вторая особенность сделала его столь знаменитым. «Отдохновение для души» читателя было для автора, очевидно, не менее важно, чем ознакомление его с физикой Вселенной, что определило своеобразный научно-художественный жанр «Космоса». Так определил его первый аналитик русского перевода

⁹ Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физического мироописания / Пер. с нем. Н. Фролова. 2-е изд. М.: Тип. А. Семена, 1862–1863. Ч. 1. 1862; ч. 2. 1862; ч. 3. 1863. С. III.

Берлинский университет. Гравюра Альберта Пэйна, 1850 г.

книги философ и культуролог Н.Я. Данилевский, назвав при этом научную дисциплину эстетической географией. Автор биографии А. Гумбольдта В. Сафонов также называет «Космос» эстетической географией, книгой географической лирики, добавляя при этом: «Какими бесцветными, серыми, равнодушно-тяжеловесными вещами заполняются и сейчас научные журналы, будто они написаны совсем не о том прекрасном, радостном, сверкающем мире, в котором мы живем»¹⁰. С сожалением следует отметить, что этот термин не прижился в научном обиходе, равно как и научно-художественное описание природных явлений.

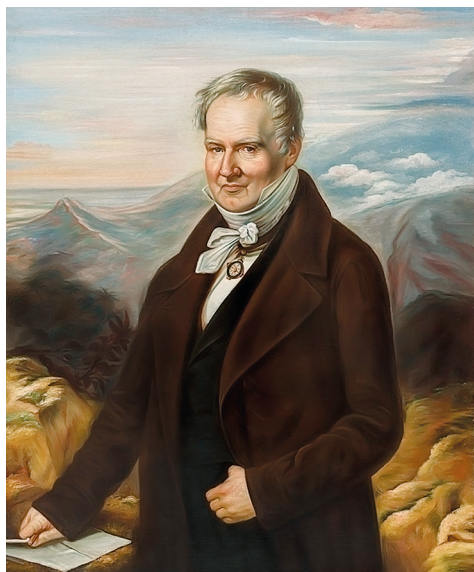
В «Космосе» строгое фактологическое описание небесного и земного устройства оживляется яркими поэтическими образами и чередуется с блес-

тящими художественно-философскими отступлениями и настоящими вербальными «картинами природы». Именно поэтому обширные цитаты из «Космоса» в данной статье приведены не только для акцентирования важнейших положений Гумбольдта, но и для иллюстрации того завораживающего его бывших читателей неповторимого стиля.

Итак, главная цель Гумбольдта была «обнять и описать Вселенную, так, как того требует достоинство величавого слова *Космос*, в смысле всего мира, всемирного порядка и красоты благоустроенного. Да не повредит неизмеримое разнообразие стихий, сталкивающихся в картине природы, гармоническому впечатлению покоя и единства...»¹¹. Задача «обнять явления внешнего мира в их общей связи, природу как целое»,

¹⁰ Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. М., 1959. С. 204.

¹¹ Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физического мироописания. Ч. 1. 1862. С. 67–68.

А. фон Гумбольдт. Художник Гаспар Давид Фридрих, 1820-е гг.

была невыполнима без изображения «неизмеримого разнообразия стихий, сталкивающихся в картине природы», а следовательно, и «без строгого изучения отдельных частей естествознания». Поэтому в первом томе своей работы он касается вопросов астрономии, геологии, гидрологии, метеорологии, магнитологии земли, биогеографии, при этом решительно настаивая, что его труд – не естественнонаучная энциклопедия, а именно «физика Вселенной», где частное будет рассматриваемо только в его отношении к целому, как часть всемирных явлений».

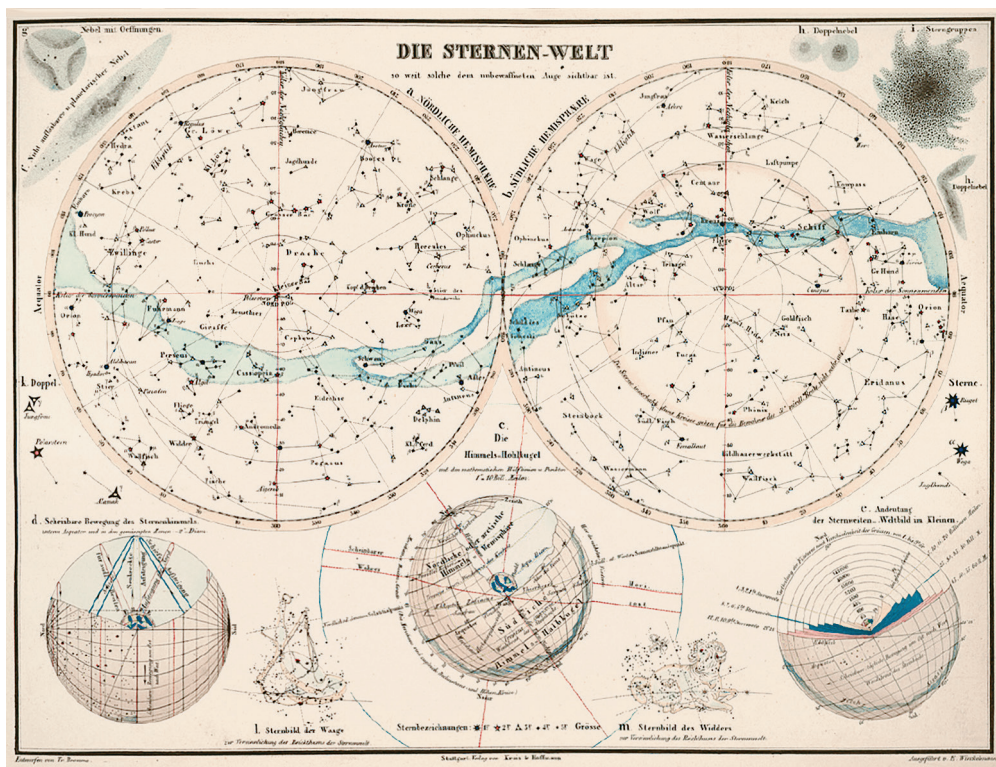
Гумбольдт предваряет основной текст специальными «Вступительными размышлениями о различной степени наслаждения природой и об ученом исследовании законов Вселенной», в которых выступает против пространственных предрассудков о том, «чтобы природа утрачивала свою высокую, таинственную прелесть по мере того как исследуется, будто ученое познание необходимо должно охлаждать

чувство, убивать творческую силу фантазии и таким образом расстраивать наслаждение природой... Каждое более глубокое исследование без сомнения ведет ко входу новых лабиринтов... Каждый естественный закон, открывающийся наблюдателю, ведет к заключению о законе высшем, еще неизвестном... Смелому ученому завоевателю и через тысячелетия не «будет тесно во всемирном пространстве». Сожаление Александра Македонского о тесноте земных пределов не может относиться к успехам наблюдений и разума... Общие взгляды возвышают понятие о достоинстве и величии природы; они действуют на дух, очищая и успокаивая его; они как бы соглашают раздор стихий, находя законы их, законы, которые так же царствуют в нежной ткани земных веществ, как и в архипелагах туманных небесных пятен, как и в страшной пустоте скудных мирами небесных пространств... они расширяют наше духовное существование и даже в деревенском уединении приводят нас в соприкосновение с целым земным кругом». В заключение Гумбольдт приводит неожиданное и неизбежное следствие закона человеческого познания, «по которому все истинное, высокое и прекрасное постоянно вступает как бы случайно во взаимодействие с полезным».

Во второй главе «Пределы и методы ученой обработки физического мироописания» Гумбольдт прежде всего останавливается на этимологии слова «космос», приводя различные его толкования, начиная с античности. Принимая во внимание первоначальное «гомеровское» понимание его как красоту и порядок и более расширенное Пифагорова – как всемирный, включающий и небесное пространство, порядок и учитывая позднейшее его толкование как обозначение Вселенной, Гумбольдт заявляет: «В моем опыте мироописа-

Следующие главы посвящены описанию «неба» и Земли. Гумбольдт полагает, что невозможно простое описание природы без подразумевания ее истории; везде, где возможно, в его рассуждениях присутствует «генетическая» составляющая: «Нельзя совершенно отделить описание природы от истории

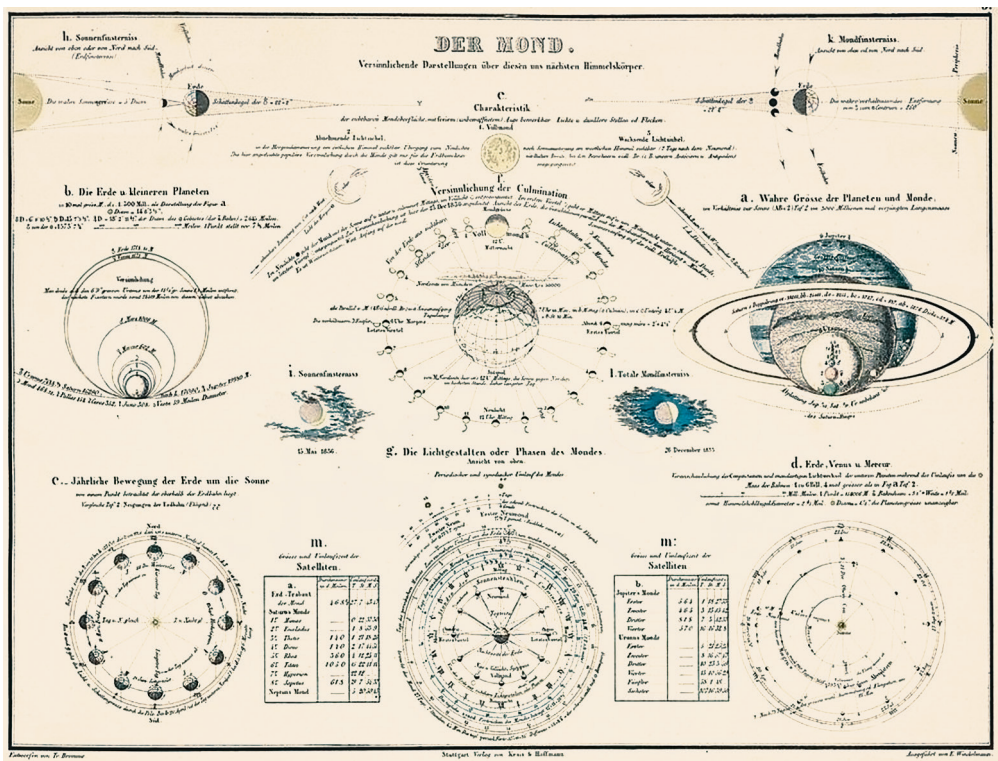
Карта полушарий звездного неба, которая прилагалась к «Космосу» Гумбольдта

природы. Геогност не может обнять настоящего без прошедшего. И то, и другое проникает друг в друга и сливается в картину земной природы. Эти каменные скалы действуют на наше воображение как рассказы прежнего мира. Их форма есть вместе – их история. Бытие в его объеме и внутреннем существе может быть вполне узнанным только как нечто сделавшееся.

Под «небом» подразумевается все, что было известно на середину XIX века о всемирном пространстве из астрономии. И хотя Гумбольдт предостерегает сам себя и пытается «избегать опасностей эмпирического изобилия», он начинает детальнейшее изложение материала подобно опытному гиду, готовящегося провести беспрецедентную экскурсию по Вселенной, не упуская ни одной известной ему

детали: «Мы проникнем сперва в глубину всемирного пространства, в страну отдаленнейших туманных пятен, потом, постепенно спускаясь сквозь звездный слой, к которому принадлежит наша солнечная система, к земному сфероиду, обтекаемому воздухом и морем, дойдем до изображения его вида, температуры и магнитного напряжения, до жизненного обилия существ, которое, будучи возбуждено светом, раскрывается на его поверхности. Таким образом, всемирная картина не многими чертами обнимает неизмеримые пространства и микроскопические малые организмы, обитающие в наших стоячих водах, или на выветривающейся поверхности скал».

Уранографическая часть выполнена по строго логическому плану, включающему закономерности распределения

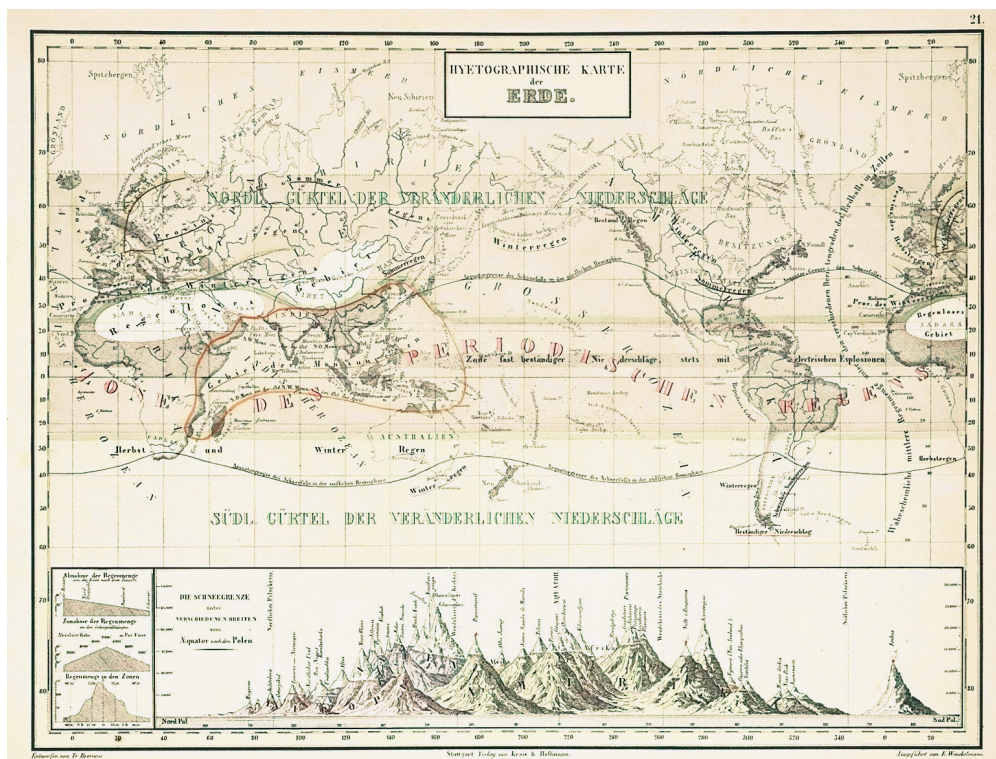

Астрономические иллюстрации к «Космосу»: Луна и ее орбита

вещества материи во Вселенной, виды группирования материи, размеры этих группировок, расстояний и соотношений этих групп. «Как трава в ночи прозябают мириады миров», – слова из сонета своего брата Вильгельма Гумбольдта приводятся как образ необъятности и наполненности мирового пространства. Образование отдельных небесных тел в нем происходит благодаря сгущению рассеянной материи, и предполагается продолжающийся процесс его становления Вселенной: «Как в наших лесах мы видим ту же породу дерева в одно время на всех возможных ступенях прозябания, и этот вид, это существование различных возрастов производит над нами впечатление непрестанного развития жизни, точно так и в великом саду Вселенной мы видим различнейшие степени постепенного

образования звезд. Процесс сгущения... как бы совершается перед нашими глазами».

Планетные системы, подобные нашей Солнечной системе, широко развиты вокруг других звезд, но наряду со звездами выделяются «сонмы звезд», «шаровидные кучи туманных звезд», «неразлагаемые туманные пятна». Все же межзвездное пространство заполнено тончайшим эфиром, своеобразным телеграфом, сообщаящим Землю с другими небесными телами. Не исключается, что все небесные тела представляют тот же в различной степени «сгустившийся эфир». Посланниками внеземного мира являются метеоры, «единственное возможное соприкосновение с тем, что чуждо нашей планете», то, что материально и осязаемо в отличие от всего неземного, которое

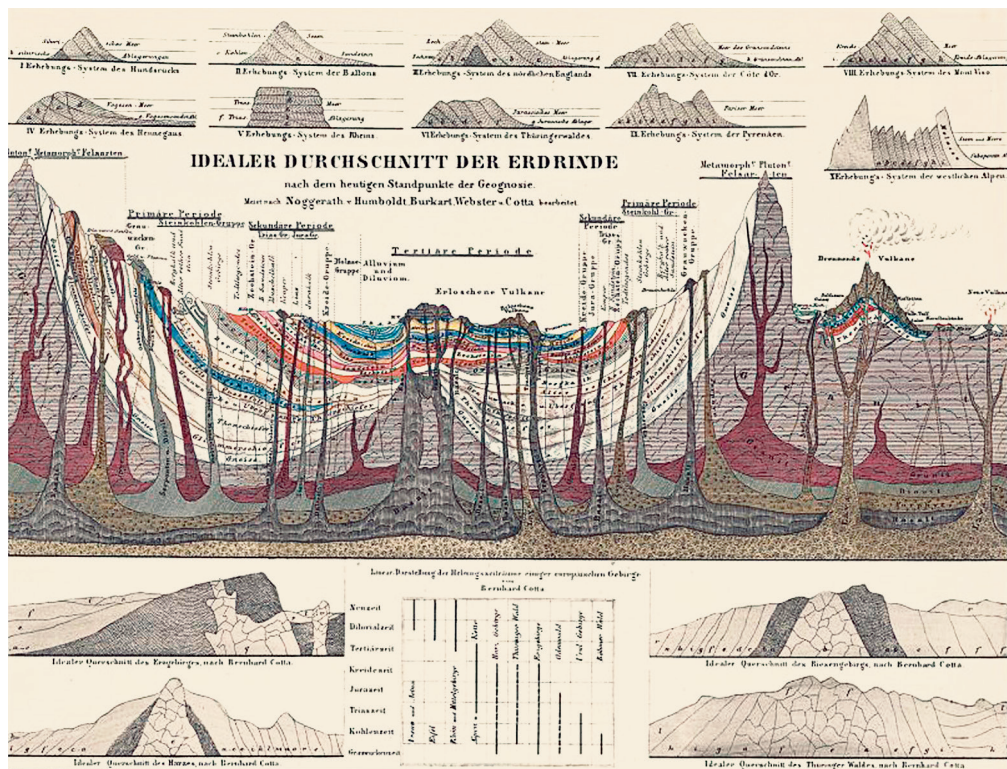

Карта горных образований на Земле и сравнительные размеры гор, которая прилагалась к «Космосу» Гумбольдта

узнается «одними измерениями, вычислениями и умозаключениями».

После мирового пространства Гумбольдт переходит к характеристике Земли: «из страны небесных образований, от детей Урана, спустимся в более тесные пределы детей Геи». Детально описывается форма и размеры Земли, и особое значение придается распределению материковых и водных масс. Более того, сведения об устройстве поверхности Земли предвещаются обещанием «учения о форме и очертаниях земных частей». Подчеркиваются преимущественно океаническое Южное полушарие Земли, сосредоточение материковых масс в Северном полушарии и повсеместный их обрыв на уровне 70° северной широты. Акцентируется сходство в очертаниях южных

оконечностей главных континентов Земли, включая: «южную оконечность Африки, оконечности Австралии и южной Америки, постепенно приближающиеся к южному полюсу. Новая Зеландия... весьма правильно образует промежуточный член между Австралией и южной Америкой, оканчиваясь также островом... Замечательно еще, что почти под тем же меридианом, под которым в земной массе старого материка находим наибольшее протяжение к югу, и северные берега наиболее простираются к северному полюсу... Пирамидальная форма, которой оканчиваются большие массы земель, повторяется часто и в меньших размерах: не только в Индийском океане (полуострова: Аравия, Индостан и Малакка) но и в Средиземном море...». Однако,

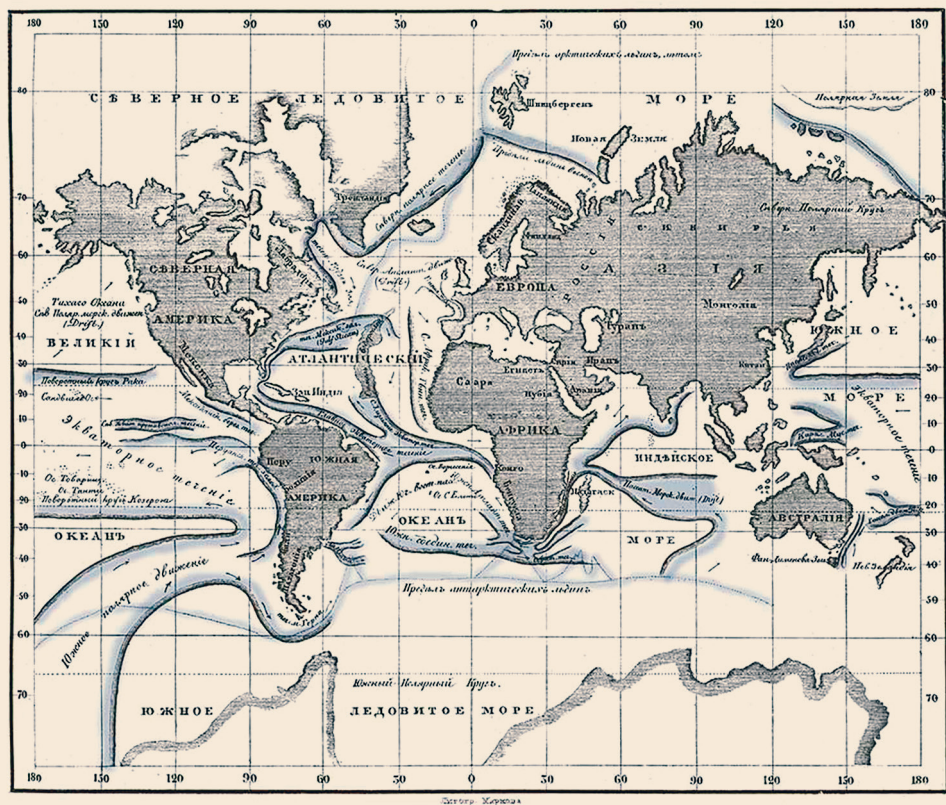
Идеализированный разрез земных оболочек, показывающий ископаемые слои и подземные связи вулканов. Из Атласа, который прилагался к «Космосу» Гумбольдта

перечислив это поразившее как древних географов, так и современных исследователей *similitudines physicae in configuratione Mundi* (физическое сходство в конфигурации мира) и не найдя объяснения внутренней сущности подобного явления, Гумбольдт признает: «Мы собрали здесь данные, показали аналогию форм в отдаленных полосах земли, но эту аналогию мы не осмелимся назвать *законом форм твердой земли*».

Обосновывается образование Земли из расплавленного вещества и расплавленное же состояние внутренней ее части. Влияние горячих недр на отвердевшую кору Земли (толщина которой оценивается в 650 м) продолжается и выражается в вулканической активности, землетрясениях, образовании новых гор и островов, горячих

источников, медленных поднятиях материков, так что «может быть, не существует мгновения, в которое бы твердая земля, которой мы привыкли приписывать неподвижность, не находилась где-нибудь в колебательном движении». Вулканическая деятельность рассматривается как выражение предохранительных мер для освобождения подземных паров и расплавов. Приводятся аргументы в пользу неоднократных геологических переворотов, изменивших поверхность Земли, которая периодически покрывалась морем и осушалась. С крупными геологическими переворотами связаны основные горные системы, самая молодая из которых – Альпийская.

Должное внимание уделено истории образования осадочной оболочки

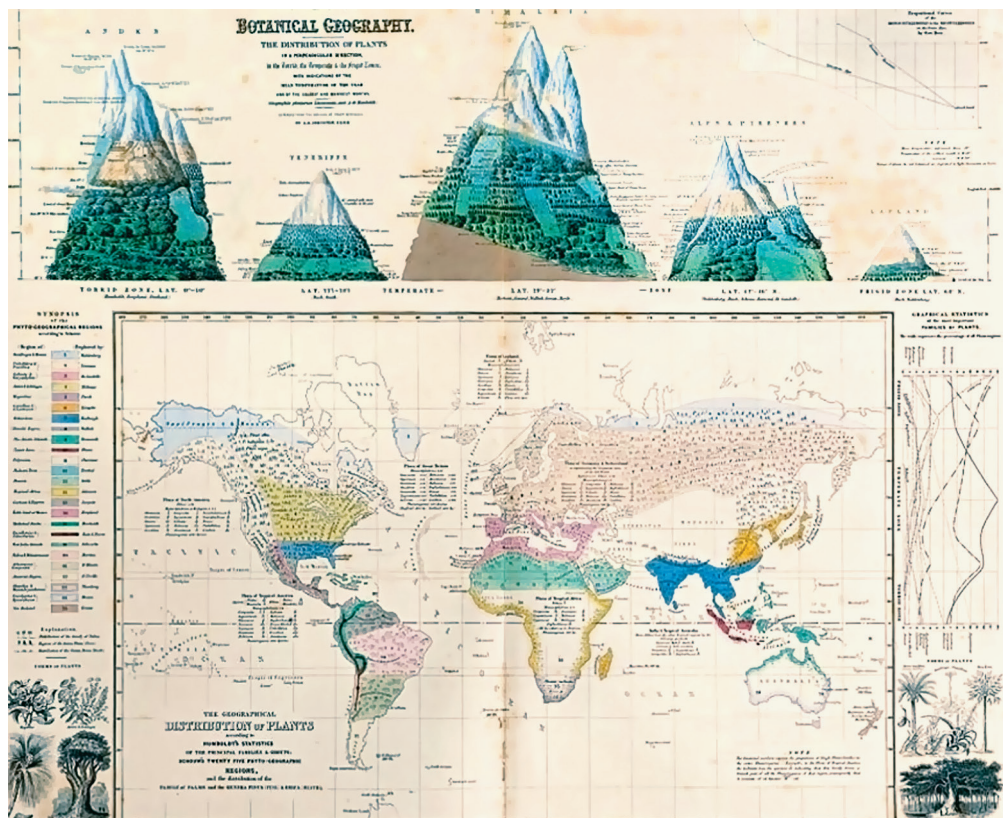

Карта морских течений из русского издания «Космоса» 1862 г.

и роли палеонтологических исследований, которые «придали, как бы живительным дуновением своим, прелесть и разнообразие учению о твердых формациях земной коры». Древнейшими породами называются силурийские или кембрийские, основание их неизвестно: «Эти древнейшие формации, первичные почвы, лежат на гнейсе и на слюдяном сланце; но если на эти две горные породы должно смотреть как на превращенные осадочные первичные пласты, то на чем лежали эти самые пласты? Можно ли осмеливаться делать предположения о предмете, недоступном действительному геогностическому наблюдению? По одному

индийскому первобытному мифу, слон несет землю, но, чтобы он не упал, то его самого несет на себе исполинская черепаха. Правоверным браминам запрещено спрашивать, на чем стоит сама черепаха».

Обращаясь к попытке определить первопричину закономерностей строения поверхности Земли и ее формы, Гумбольдт заключает: «Настоящая фигура земли есть произведение двух причин, действовавших последовательно: первая причина есть проявление подземной силы, которой меру и направление мы называем случайными, ибо мы не в состоянии их определить, и для нашего рассудка они не входят

Карта распределения зон растительности и распространения семейств растений по всему миру, которая прилагалась к «Космосу» Гумбольдта

в круг необходимости; вторая причина заключает в себе все на поверхности земли действовавшие силы, между которыми вулканические извержения, землетрясения, поднятие горных краев и морские течения играли главную роль». В этом заключении обращает внимание «случайность» первой причины – эндогенной активности планеты как, очевидно, не поддающейся удовлетворительному рациональному толкованию.

В книге детально описана гидросфера Земли, охарактеризован круговорот воды между океанами, реками и атмосферными осадками, изложены причины возникновения и динамика великих океанических и воздушных течений,

определяющих разнообразие климатов на Земле. Переходя к разделу о живом веществе планеты, Гумбольдт подчеркивает глубокую связь между животным и растительным миром, поддерживающую динамическое равновесие между ними за счет непрерывного обмена материей и энергией, подобно тому, как это происходит между морем и облаками. Именно в этой части Гумбольдт обращается к расширенному понятию всеоживленности планеты, впервые описанному им в «Картинах природы» (1808) и получившему многочисленные подтверждения за прошедшее со времени опубликования этой работы. Суть всеоживленности планеты, по Гумбольдту, заключается

в повсеместном распространении органической жизни, если рассматривать ее «от простейших клеточек, как бы от первого дыхания жизни к ее более высшим развитиям». И если «более высшие развития», т. е. наблюдаемый растительный и животный миры ограничиваются в своем распространении климатическими и поверхностными условиями, то, на первый взгляд, необитаемые покрытые снегом области и находящиеся в «вечной ночи морской глубины» изобилуют своей особой жизнью: «Растения и животные в их общем распределении не останавливаются почти никакой высотой, никакой глубиной... Земля, воздух и вода при различных температурах повсюду оживлены органической жизнью, и она точно так же проникает и во внутренность различных частей животных тел». При этом количественная масса именно мельчайших организмов способна создавать целые пласты в осадочном покрове, равно как и ископаемая флора в виде каменного угля и коралловые постройки, т. е. органическая жизнь может рассматриваться как весомый геологический фактор.

Затрагивает Гумбольдт и статус человека в общей картине и органической жизни, и природы в целом: «Общая картина природы, которую я старался изобразить, останется неполной, если у меня неостанет смелости представить тут в немногих чертах и род человеческий в его различных физических оттенках, в географическом распределении современно-существующих типов его, в том влиянии, которые оказывают над ним земные силы и обратно, в том влиянии, хотя более слабым, которое он сам мог иметь на них. Зависимый, хотя и в меньшей степени, нежели растения и животные, от почвы и метеорологических процессов воздушного круга, легко уклоняющийся от сил природы деятельностью

духа и постепенно возвышающимся разумом, как и удивительной гибкостью организма, приспособляющегося ко всем климатам, род человеческий существенно участвует во всей земной жизни. По всем этим обстоятельствам, темная и много оспариваемая проблема о возможности одного общего происхождения всех различных человеческих племен, входит в круг идей, обнимаемых физическим описанием Вселенной». Однако ответа на этот вопрос Гумбольдт не дает, отсылая читателя к разногласиям мнений и к наиболее авторитетному, с его точки зрения, мнению своего брата В. Гумбольдта, известного лингвиста и знатока древних языков, который предполагал существование единого общего предка у человечества и равенство всех разновидностей рас и племен с точки зрения их духовных возможностей.

Зато ясно выражена идея о влиянии географической среды на уровень развития определенного человеческого сообщества: «Точно так, как фигура материков... своим внешним расчленением, т. е. разнообразно извилистыми береговыми очертаниями имеет благодетельное влияние на климат, торговлю и успехи образованности, и другой род внутреннего расчленения, вертикальное, навесное возвышение почвы (горные цепи и возвышенные плоскости) влечет за собой не менее важные последствия. Все, что на поверхности планеты, в обители человеческого рода порождает изменение форм и многообразие их, ... все придает народной жизни особенный характер. Покрытые снегом высокие горы препятствуют сообщениям, смешение же низких отдельных горных групп с низменными равнинами, так счастливо развившиеся в западной и южной Европе, разнообразит метеорологические процессы и произведения растительного царства; тут для каждой полосы земли

требуется особенная обработка даже под одинаковыми градусами широты, и таким образом порождаются новые нужды, удовлетворение которых возбуждает деятельность жителей. Так те же страшные перевороты, которые внезапными поднятием одной части окисленной земной коры возвысили мощные горные кряжи, по восстановлению покоя, послужили к обогащению материков обоих полушарий обилием прекрасных, разнообразнейших и индивидуальных форм, отстранению от пустынного однообразия, удручающего физические и умственные силы человечества». В этом отношении Гумбольдт – сторонник и последователь идей своего современника, выдающего немецкого географа К. Риттера (1779–1859), развивавшего экстремально радикальную позицию в отношении того значения, которое он придавал условиям среды для общественно-экономического развития человечества.

Обратим внимание на два положения Гумбольдта, как бы обрамляющих весь корпус излагаемых сведений, важных с точки зрения некоторых научных направлений. Предваряя свое описание «физики мира», автор ставит пределы его возможностям: «Физика, как означает ее название, ограничивается объяснением явлений материального мира, – объяснением свойств материи. Последняя цель опытных наук есть отыскание законов и последовательное, постепенное обобщение их. Все, что переступает за границу этих познанных законов, не принадлежит к области физики Вселенной, принадлежит другому, высшему разряду умозрений». Завершает же он свое изложение физики мира заявлением, перекликающимся с первым и жестко его уточняющим: «Законы другого, таинственного рода, властвуют в высших сферах жизни органического мира: в законах рода человеческого, много-

образно-деятельного, одаренного силой духа, созидającego язык свой. Физическая картина природы указывает границу, за которой начинается сфера разума и где далекий взгляд погружается в другой мир. Она (картина природы) указывает эту границу и не переступает ее» [Гумбольдт, 1862. С. 25, 317]. Эти мысли ученого весьма показательны и значимы в связи с возникшими позднее многочисленными спекуляциями на тему сферы разума, трансформировавшейся, в конце концов, в ноосферу, что стало особым направлением в отечественном природоведении после краткого (не разъясненного) замечания В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу¹².

Существенным дополнением к основному корпусу излагаемых сведений в книге представляются обширные к ней примечания, где со всем блеском раскрывается эрудиция автора при ссылах и обильном цитировании древних авторов с их представлениями о мироздании. Это находится в странном контрасте с умолчаниями о современном ему состоянии теоретической геологии, несмотря на заявленное обещание не пропустить ни единой значимой идеи. Так Гумбольдт обошел вниманием злободневную проблему времени, когда писалось это произведение, а именно появление концепции униформизма Ч. Лайеля (1797–1875), конкурирующей с господствующей концепцией катастрофизма. Труд Лайеля *Principles of Geology* издан в 1830 г. и был известен Гумбольдту. В «Космосе» есть ссылка на эту работу, но только не в связи с положениями униформизма. Прочитываются симпатии Гумбольдта к катастрофистам, авторитетами для него в геологии были Эли де Бомон (1798–1874) и Леопольд фон

¹² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

А. фон Гумбольдт в своем кабинете в Берлине. Иллюстрация из универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия

Бух (1774–1853), «величайший геогност нашего времени». Более того, не называя имени, он делает определенный выпад по адресу Лайеля, правда, не по поводу униформизма, а в связи с его делением третичного периода, начинающегося эоценом (утренним рассветом). Так, на основании открытий Эренберга (его спутника в путешествии в Россию), он пишет: «Первая группа третичных формаций, лежащих над мелом и которую привыкли называть формацией эоценового периода, не заслуживаем собственно это название – ибо утренний рассвет вместе с нами живущей природы проникает гораздо глубже в историю Земли, чем до сих пор думали»¹³.

¹³ Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физического мироописания. Ч. 1. 1862. С. 278.

Сам он рассматривал «мощные и высокие горные кряжи как свидетели больших земных переворотов», но нигде не связывает с ними катастрофического влияния на органическую жизнь, что было главным пунктом катастрофистов, резюмируя тектонические процессы развития следующим образом: «Все геогностические явления указывают на периодические переходы от деятельности к покою и от покоя к деятельности. Покой, которым мы пользуемся, есть только кажущийся. Землетрясения, колеблющие поверхность земли под всеми небесными полосами, во всякой каменной породе, поднимающаяся Швеция, появление новых островов извержения, не свидетельствуют о тихой, покойной жизни земного шара».

Не упоминает он также имени Л. Агассиса (1807–1873), в связи с выдви-

нутой последним гипотезой ледникового происхождения валунов («эрратических камней»). Несмотря на их близкое знакомство и более того, покровительство молодому ученому, Гумбольдт ограничивается заявлением о том, что «эрратические камни, о причине распространения этих последних долго еще будут спорить; мы не столько готовы приписывать эту причину движению ледников и льдин, сколько огромным массам воды, сначала сдержанным в бассейнах, и при поднятии горных кряжей, прорвавшимся и низвергшимся вместе с горными обломками».

Гумбольдт в своем «Космосе» принял, в общем, беспрецедентную попытку передать не только имеющиеся всесторонние сведения о строении Земли и мирового пространства, но и отразить картину их восприятия в искусстве и науке. В понимании Гумбольдта это были не только самоценные проявления человеческого духа, но и «средства, побуждающие к изучению природы», о которых повествует второй том «Космоса», вышедший в 1847 г.¹⁴ Первая часть этого тома посвящена эстетическому переживанию природы человеком в разные эпохи, отражению этого переживания в литературе (описательная поэзия), изобразительном искусстве (ландшафтная живопись) и ботанических садах (разведение ландшафтных садов). Это интересный анализ литературных произведений, начиная с наиболее древних, и европейской живописи, завершающееся описанием первых ботанических садов.

Так, пантеистическим чувством природы проникнута древняя индийская литература, древнееврейские тексты

А. фон Гумбольдт с картой острова. Гравюра

и в природе отмечают присутствие единого всемогущего Бога; древние аравитяне из-за пустынности своей страны отдавали предпочтение атмосферным явлениям. Переходя к античной эпохе, Гумбольдт корректирует мнение об отсутствии эстетического восприятия природы у греков и римлян: древнегреческие литературные памятники не лишены, но скупы на описания природы из-за доминирования событийной драматургии. Полноценные описания природы появляются с установлением христианства и распространения пустынножизни, предоставляющей отцам-пустынникам, первым отцам церкви, возможность предаваться созерцанию красот природы, усматривая в них величие Бога и посвящать возвышенные описания отшельнических мест в письмах.

Открытие Америки с ее роскошной тропической растительностью и иными величественными пейзажами произвело колоссальный эффект на европейцев, что не могло не отразиться

¹⁴ Humboldt A. von. Kosmos – Entwurf einer physischen Welbeschreibung. – Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. Bd. 1, 1845; Bd. 2, 1847; Bd. 3, 1850; Bd. 3 (Abt. 2), 1851; Bd. 4, 1858; Bd. 5, 1862.

А. фон Гумбольдт и ботаник Э. Бонплан в амазонских джунглях Южной Америки в 1800 г. Картина Эдуарда Эндера. 1850 г. Бранденбургская академия наук, Берлин

в описательной поэзии. В качестве таковой приводятся отрывки из дневников Колумба с первыми для европейцев открывшимися картинами природы. Живые зарисовки далекого от литературы, но очарованного американскими видами Колумба, по мнению Гумбольдта, превосходят описательную поэзию Бокаччио, Санназара и Сиднея. Под влиянием расширившегося взгляда на природу и ее разнообразие возникла целая литература, в которой природа из некоего второстепенного элемента превратилась в ее главный объект, что особенно видно в произведениях Бюффона, Руссо, Бернардена-де-Сен-Пьера и Шатобриана.

В заслугу художникам-пейзажистам Гумбольдт ставит способность передавать индивидуальность пейзажа в зависимости от климата – «принадлежащую ему исключительную физиономию

природы». Отсюда происходят такие понятия как «швейцарская природа», «итальянское небо» и др., обусловленные конкретными приметами страны. Ограничиваясь изображением только европейской природы, такие художники, как Каррачи, Гаспар, Пуссен, Клод Лоррен и Рюисдаль, добились удивительных результатов в передаче красоты и особенностей изображаемой ими природы. Однако, по мнению Гумбольдта, ландшафтная живопись «расцветет новой, еще невиданной полнотой жизни, когда богато одаренные художники чаще будут переступать за тесные границы Средиземного моря»¹⁵.

К особому виду искусства Гумбольдт относит разведение ботанических садов и их воздействие, начиная с пер-

¹⁵ Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физическо-го мироописания. Ч. 2. 1863.

вых итальянских (в Пизе, Падуе и Болонье между 1544 и 1568 гг.), которые познакомили европейцев со «многими изумительными формами» экзотических растений. Воздействие ботанических коллекций Гумбольдт ставит в некотором отношении даже выше пейзажной живописи из-за «владычества действительности над нашими чувствами». Для убедительности он ссылается на собственные детские впечатления от колоссального драконового дерева в берлинском ботаническом саду, которое породило «непреодолимое стремление к далеким странствованиям».

Уже упоминавшийся автор биографии Гумбольдта В.А. Сафонов объясняет, быть может, самое главное достоинство этого произведения, прочитанного им как лирическая исповедь: «Целый раздел посвящен вопросу о том, что побуждает человека изучать природу. За столетие, истекшее с тех пор, было много – и гораздо глубже, чем у Гумбольдта, – сказано о материальных причинах, которые привели к возникновению естественных наук, и о методологии научного творчества. Но никто, кроме Гумбольдта, не дал истории наслаждения природой и философии чувства природы (Naturgefühl). Страницы, посвященные этому во втором томе “Космоса”, множество замечаний, рассыпанных по остальным томам – это, пожалуй, наиболее лирически-интимное, что написано Гумбольдтом. Это ключ и объяснение ко всей его долгой жизни и ко всему его естественнонаучному универсализму. И достаточно прочесть этот раздел “О средствах, побуждающих к изучению природы”, снабженный подзаголовком “Отражение внешнего мира на воображении”, чтобы понять, что это и есть композиционная скрепа всех томов “Космоса”, тот стержень, на котором он держится и благодаря которому стало возможно самое создание

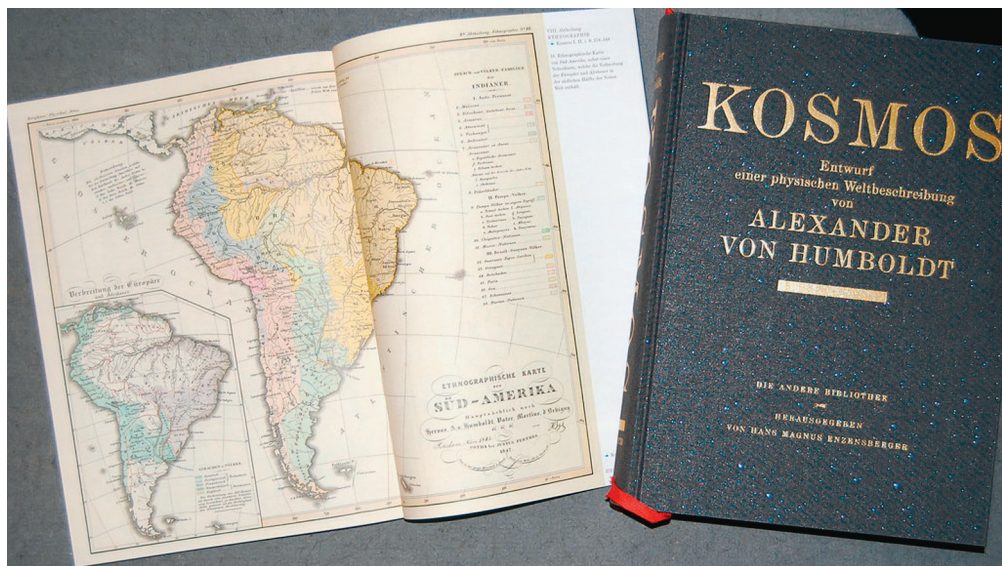

Гумбольдт-ботаник. 1806 г. Портрет работы Фридриха Вейтша. Старая национальная галерея, Берлин

“Космоса”. Это исповедь Гумбольдта-исследователя»¹⁶.

Вторая часть второго тома «Космоса» представляет редкостно детальное изображение становления научного представления о мире как важнейшей составляющей истории человечества. Гумбольдт освещает период с античного времени до XVIII–XIX вв., акцентируя отдельные этапы в развитии естественной науки и заслуги выдающихся ее представителей. Первостепенное значение в развитии научных знаний Гумбольдт придает древним грекам, поскольку именно с этих пор получила преемственность в передаче знаний от народа к народу и от поколения к поколению. Поэтому все достижения других древних народов, не вошедшие в сумму греческого знания, как бы не

¹⁶ Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. М., 1959. С. 202, 203.

Обложка одного из последующих изданий тома «Космос». В нем открыта карта Южной Америки, где путешествовал Гумбольдт

существовали в процессе развития европейской мысли и стали общим достоянием в поздние времена в качестве исторического багажа¹⁷.

В истории развития научного мировоззрения выделены как ключевые периоды, так и отдельные гениальные прозрения и их авторы, а также важные в этом отношении исторические события, перечисленные ниже.

1. Исследование бассейна Средиземного моря и прилежащих стран. Отсюда распространялось просвещение на весь образованный теперь мир. Античная Греция создала три главные философские школы с различным подходом к пониманию природы. Пифагорейская школа с заимствованиями из учений Египта и Индии основывалась на объяснении природы гармонией чисел и мер, ее можно расценивать как зародыш теоретических исследований с математической доминантой.

Другая школа – физическая школа Фалеса – была прообразом наблюдательного эмпирического направления. Метафизическое направление сосредоточилось в школе Ксенофана Колофонского, получив развитие в различных идеалистических построениях. Подробно и с величайшим почтением обрисована фигура Аристотеля, до которого, по Кювье, «наука не существовала; она как бы совершенно готовой вышла из головы его, подобно тому, как вышла Минерва во всеоружии из головы Юпитера. Один, без предшественников, не заимствуя ничего из прошедших веков (ибо они не произвели ничего положительного), он открыл и доказал более истин в течение своей шестидесятидвухлетней жизни, чем сколько могли сделать после него в течение двадцати веков (т. е. до XVII столетия...)»¹⁸.

¹⁷ Гумбольдт А. фон. Космос: Опыт физического мирописания. Ч. 2. 1863.

¹⁸ Цит. по: Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мирописания Александра фон Гумбольдта // Отечественные записки. 1848. Т. 59, № 8. С. 25–62.

А Гумбольдт признает, что лишь мощному, истинно философскому и вместе практическому духу Аристотеля было предоставлено погрузиться с одинаковой любовью в мир отвлеченностей и в неизмеримое богатство вещественно различных органических творений.

2. Походы Александра Македонского, с одной стороны, распространили греческое образование вглубь Азии, а с другой – познакомили древний мир с Азией.

3. Изложена история Александрийской академии с ее библиотеками и достижениями в математике и астрономии. Так, Анаксагор считал размеры Солнца не меньше Пелопоннеса, а Аристарх определил расстояние Луны от Земли в 56 земных радиусов (вместо 60).

4. Римская империя со своими завоеваниями существенно расширила представления о мире, но римляне не много преуспели в развитии наук.

5. Время могущества и процветания Аравитян, сохранивших для будущих веков то, что совершено древними, и принесших новое средство для изучения природы – опыт. Наставшее время гибели древней античной цивилизации в связи с великими перемещениями народов, подобными, по Гумбольдту, космическим событиям, грозило уничтожением просвещению, но «как будто по какому-нибудь круговороту, подобному тем, которые происходят в физической природе для оживления целого, сохранилось и снова водворилось просвещение. Переводы книг, сделанные несторианцами на этот язык и, в свою очередь, перевели их на арабский. Аравитяне сохранили, таким образом, древнее образование и снова внесли его в Европу», – это уже философ Н.Я. Данилевский выступает соавтором Гумбольдта¹⁹.

¹⁹ Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мирописания Александра фон Гумбольдта // Отечественные записки. 1848. Т. 59, № 8. С. 25–62.

6. Изобретение книгопечатания в XV в. послужило колоссальным средством для распространения знаний. Вместе с усовершенствованием мореплавания благодаря применению компаса, началось время великих морских открытий в конце XV и начале XVI в., приведших к ознакомлению европейцев почти со всей поверхностью земного шара.

7. Следом за открывшимся ликом Земли наступило время великих физических и астрономических открытий в течение XVII в., что стало следствием изобретения таких инструментов, как телескоп, микроскоп, барометр и других, а одновременно и усовершенствования математического анализа. Это время Кеплера, Галилея и Ньютона, установившее положение Земли по отношению к Солнцу и статус других звезд. С конца XVII в. с великой фигурой Галилея на рубеже варварских и новых веков, по мнению Гумбольдта, наука начинает управлять ходом развития человечества. При перечислении ряда блестящих ученых с их открытиями Гумбольдтом упоминаются и укоренившиеся в современной истории науки имена – и потускневшие, и ушедшие в тень. В первой половине XVI в. Коперник показал истинное устройство нашей планетной системы. В начале XVII в. Кеплер «открыл свои три бессмертных закона, управляющие движением планет». Изобретение телескопа позволило Галилею, Симону Мариусу, Фабрицию и другим глубже проникнуть в звездное пространство, и затем последовало великое открытие Ньютона. Тогда же Гримальди, Гюйгенс и Ньютон основывают оптику, Джильберт – магнетизм; Отто Герике – электричество, Грю, Мальпиги, Швамердам и Лёвенгук с помощью микроскопа открывают микромир, Майов и Бойль высказывают правильные понятия о главнейших химических

процессах; Лейбниц предлагает геологическую гипотезу, довольно близкую к принимаемой в настоящее время теории; Ньютон и Лейбниц открытием счисления бесконечно малых величин дают новые средства математическому исследованию природы.

Для своего XIX в. Гумбольдт усматривает дальнейшие насущные задачи для успешного развития науки в объединении международных усилий, в создании постоянных, долговременных и повсеместных наблюдений, например, магнитных и метеорологических, одновременно производимых на всей поверхности земного шара. В этой связи можно напомнить о его настоятельных рекомендациях установить сеть магнитометрических обсерваторий в России во время его путешествия в нашу страну в 1829 г.²⁰, что и было выполнено в течение ближайших последовавших лет.

Значение развития науки Гумбольдт рассматривает не только как врожденную потребность человеческого разума, но и как условие взаимоотношения человека с природой. Он не видит иных причин борьбы между природой и человеком, как только в несовершенстве человеческого знания. В середине XIX века он оптимистично смотрел на будущее, предсказывая гармонию в их союзе именно благодаря развитию научных знаний.

Если первый том «Космоса» в Берлине вышел в 1845 г., то уже в 1848 г. он был переведен на русский язык и издан в России. Такой оперативности рос-

Переводчик «Космоса»
Гумбольдта на русский язык
Н.Г. Фролов

сийская общественность обязана переводчику и издателю Н.Г. Фролову (1812–1855). Николай Григорьевич Фролов, интереснейшая фигура в культурной жизни России первой половины XIX в., слушал лекции Гумбольдта и известного географа Карла Риттера в Берлине. Более того, он был знаком с обоими учеными, которые посещали пользующийся известностью салон его супруги (Е.П. Галяховой, 1799–1844), бывший центром культурной жизни русской колонии

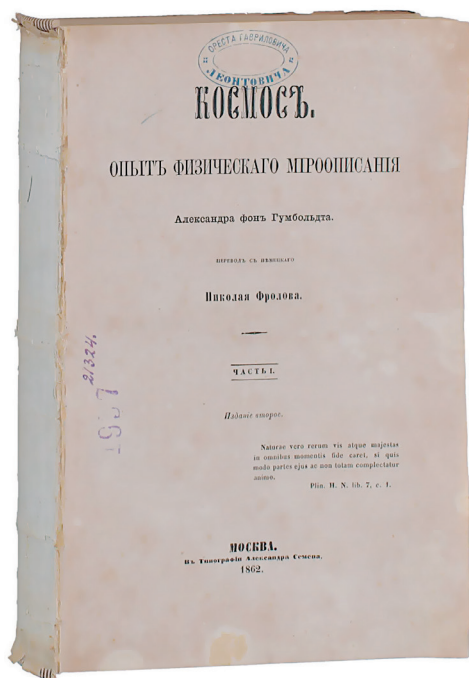
в Берлине. Посетителями этого салона были Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, М.А. Бакунин. Вернувшись в Россию в 1847 г., Фролов кроме перевода «Космоса» написал несколько биографических статей об А. Гумбольдте²¹. Он также основал издание журнала «Магазин земледения и путешествий».

Выполненный Фроловым перевод «Космоса» нашел высокую оценку в среде российской общественности, впервые высказанную в публикации начинающего философа и культуролога Н.Я. Данилевского (1822–1885), посвятившего ему обширную специальную статью в журнале «Отечественные записки» в 1848 г., т. е. написанную сразу после выхода в свет русского перевода. Он называет Фролова «мудрым переводчиком Гумбольдта, переводчиком-просветителем в высоком значении этих слов»²². Заслуга Фролова

²¹ Фролов Н.Г. Александр фон Гумбольдт и его Космос. СПб., 1847–1848.

²² Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта. Отечественные записки. 1848. Т. 58, № 6. С. 13–60.

²⁰ Иогансон Л.И. Путешествие А. Гумбольдта в России // Земля и Вселенная. 2020. № 1.

Титульный лист русского перевода
«Космоса» Гумбольдта, 1862 г.

не только в «точном и превосходно передающем язык подлинника» переводе, но и в сопровождающих текст многочисленных примечаниях, в том числе касающихся новых полученных научных достижений, а также объяснительных картах и рисунках. Более того, в обстоятельном предисловии к переводу Фролов приводит удачный эквивалент выражению «сфера разума», заменив ее «интеллектосферой», что дало начало длинному ряду терминов, в том числе ноосфере. С сожалением приходится упомянуть, что во втором томе «Космоса» приводится резко неодобрительный отзыв Гумбольдта по поводу добавлений Фролова.

Статья Н.Я. Данилевского о «Космосе» была не только блестящим дебютом молодого философа, но и весьма уместной рекламой и скрупулезным анализом этого великого произведения, без-

условно способствующим его интегрированию в русское культурное пространство. Глубоко прочувствованное и осмысленное прочтение книги нашло выражение в размышлениях Данилевского, прибавляющих к ней нечто новое и необходимое: «Если, по прочтении первого тома гумбольдтова “Космоса” мы захотим анализировать впечатление, оставленное в нас этим чтением, то убедимся, что видели как бы ландшафт Вселенной: с такой ясностью представляется нашему воображению чудное, гармоническое сочетание разнообразнейших форм и явлений, составляющих то, что называем мы природой; так понятна делается зависимость всего внешнего многообразия от мало сложных и малочисленных сил, управляющих мирозданием; так наглядна делается тесная связь этих сил между собой... Для того, чтобы дать представление о картине Вселенной, Гумбольдт как будто пользовался и простым зрением, и глазами, вооруженными телескопом и микроскопом, в зависимости от предмета описания».

Гумбольдт в 1840-е гг.

Прощание с «Космосом». Гравюра Вильгельма фон Каульбаха. 1869 г. Создана в период празднования столетия со дня рождения Гумбольдта, опубликована в журнале «Беседка». Сопроводительный текст пояснял, что сюжет является аллюзией на античный миф, согласно которому Геркулес на некоторое время заменял Атланта в поддержке небесного свода, пока тот добывал для него золотые яблоки вечной молодости в саду гесперид. Гумбольдт, освобожденный смертью от непосильной поддержки Космоса, направляется в сад, символизирующий усыпальницу

Более того, именно Данилевский формулирует как бы подразумеваемые всем ходом рассуждений Гумбольдта весьма актуальные мысли для нашего кризисного времени в отношении экологического состояния планеты. Он рассматривает взаимоотношение человека и природы и подчеркивает, что называть его «борьбой с природой» – недоразумение: «Все это время человек занят, как обыкновенно и весьма ложно выражаются, борьбой с природой, своим освобождением из-под ее власти.

Не борется в это время человек с природой, а прилаживается к ней; не освобождается он из-под ее власти, а, узнавая все глубже и глубже ее законы, находит их тождественными с законами собственной своей природы, выражающимися его естественными стремлениями, и, подчиняясь этим законам природы, он действует только сообразно со своими стремлениями. В самой природе, борьба между ее элементарными силами только кажущаяся, и всякий ряд противоречий разрешается в ней в гармонию высшего рода... Как нет борьбы в недрах природы, так нет борьбы и между природой и человеком. Замечаемые между ними разнозвучия, происходящие от того, что человек не столько еще узнал природу, чтоб совершенно ей проникнуться, также должны разрешиться в верховный гармонический аккорд. Но это знание природы и проникновение ею доставляет наука, приготавливающая будущее».

Эти мысли, очевидно, определялись совершенно иными реалиями, задолго до результатов того вредоносного влияния на окружающую среду, которое проявилось через столетие после Гумбольдта и Данилевского. Поэтому их отношение к проблеме исполнено некоторого идеализма и оптимизма из-за веры в науку, призванную открыть человечеству способы гармонического взаимодействия с природой. Тем не менее актуальность этого отношения к науке для нашего времени очевидна. Русский перевод «Космоса» был оценен и в официальной сфере. Возможно, в этом свою роль сыграли и многолетние дружественные отношения А. Гумбольдта с государственным деятелем, министром просвещения С.С. Уваровым (1786–1855), во всяком случае, книга была включена «в гимназическую программу как учебное пособие для изучения естественных наук. Министр народного просвещения С.С. Уваров писал: «Изволил признать

полезным приобрести для гимназических библиотек переведенное Фроловым произведение Гумбольдта». Циркуляром департамента народного просвещения от 23 февраля 1849 г. первая часть «Космоса» была приобретена для библиотек и гимназий, а 7 января 1853 г. министром народного просвещения Норовым было дано разрешение «о приобретении для библиотек учебных заведений от самого переводчика, жительствовавшего в Москве»²³.

Для полноты картины и с целью избежать сознательной фигуры умолчания, упомянем резко негативную характеристику Гумбольдта и его «Космоса», данные известным критиком Н.Н. Страховым в его работе «Борьба с Западом в нашей литературе»: «“Космос” Гумбольдта есть книга обманчивая, весьма привлекательная по содержанию, по подробностям, по эрудиции, но весьма слабая по научному духу и не могущая посвятить в приемы истинной науки ни профанов, ни начинающих ученых... Во всяком случае, Гумбольдт, очевидно, не принадлежит к числу тех гениев, слова которых многозначительны как изречения пророков и стихи великих поэтов. “Космос”, на который немцы смотрят как на какое-то евангелие естественных наук, нимало не заслуживает этой чести»²⁴. Это мнение довольно подробно обосновывается в тексте тем, что у Гумбольдта нет заслуг в собственных научных открытиях.

В своем предисловии к «Космосу», датированному ноябрем 1844 г., Гумбольдт высказывал распространенное опасение о том, что естественнаучные сочинения, в отличие от чисто ли-

тературных, со временем устаревают и теряют в интересе со стороны новых поколений: «Не раз было высказано неутешительное, по-видимому, замечание, что чисто-литературные произведения духа не стареют, вкореняясь в глубине чувства и в творческой фантазии, тогда как все, что связано с опытом, с исследованием явлений природы и физических законов, при возрастающей силе инструментов и при постепенном расширении горизонта наблюдений, в несколько десятилетий принимает совершенно другой вид; наконец, будто бы устарелые, как имеют обыкновение выражаться, сочинения по части естествознания, невозможно более читать и они скоро предаются забвению. Кто одушевлен прямой любовью к изучению природы и проникнут высоким достоинством этой науки, тот не может страшиться того, что напоминает ему о будущем и усовершенствовании человеческого знания... Опыт же живо изобразить природу, в ее возвышенном величии, отыскать в возвращающихся, как бы колеблясь, видоизменениях физических явлений то, что в них есть постоянного, этот опыт и в поздние времена не будет совершенно оставлен без внимания»²⁵.

Ошибся ли Гумбольдт? Представляется, что нет, но не потому, что изложенные им сведения неминуемо должны были хотя бы отчасти устареть к нашему времени. Не за этим обращаются к его работам. В наше время имя Гумбольдта как автора «Космоса», а также вошедших в отечественный научный дискурс понятий «всеоживленности природы», «сферы жизни», «сферы разума», пусть под другими названиями, стало наиболее упоминаемым в обильном потоке литературы о биосфере и экологии планеты, где развиваются идеи о необходимости

²³ *Ипполитова Г.А.* Александр Гумбольдт: 235 дней в России // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 160.

²⁴ *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка третья. СПб.: Типография бр. Пантелеевых. Верейская, 16, 1896.

²⁵ *Гумбольдт А. фон.* Космос: Опыт физического мироописания. Ч. 1. 1862. С. VII–VIII.

целостного (холистического) подхода к изучению природы. Но не только злободневные утилитарные интересы заставляют человечество обращаться к великим творениям прошлого. Так, магия «Космоса» Гумбольдта, возможно, заключается в его поглощенности «картинами природы», открытыми и таящимися ее законами, которые занимали не только его ум, но были источником глубоких эмоциональных переживаний: «В простом сближении человека с природой, в одном уже вольном воздухе заключается таинственная сила; влияние природы радостно и кротко; оно укрепляет и освежает утомленный дух, успокаивает сердце... Строгий, торжественный характер, сопряженный с этими душевными движениями, вытекает из почти бессознательного чувства высшего порядка и внутренней законности природы; он обуславливается, наконец, контрастом чувства бесконечного, открываемого звездным небом, необозримой равниной, туманным горизонтом океана, и собственной ограниченности, которую мы стремимся победить»²⁶.

Переданное Гумбольдтом восприятие природы до удивления адекватно непосредственным от нее впечатлениям. Об этом очень точно написал Данилевский: «Когда несколько изгладятся в памяти резкие подробности, увлекающие вас при чтении и составляющие занимательность этой книги... то остающееся в вас впечатление весьма похоже на то чувство, которое одолевает человека, когда он находится один на один с природой, выдающаяся ему в своем величии – будет ли то в поросших высокой травой степях, в чаще густого леса, на море, или среди

Памятник А. фон Гумбольдту перед Берлинским университетом. Установлен в 1882–1883 г. Скульптор Рейнхольд Бегас

чудного разнообразия гор. Если б должно было уловить в одну фразу влияние, производимое как чтением гумбольдтова “Космоса”, так и непосредственным созерцанием природы, мы сказали бы, что последним результатом того и другого, будет сознание всеприсутствия жизни, переливающейся из одних форм бытия в другие, и совместное ощущение повсюду разлитого покоя и гармонии, и повсюду присутствующего, не иссякающего и все изменяющего движения»²⁷.

Автор выражает искреннюю благодарность Герасютину С.А. за действительное участие в подготовке статьи при подборе иллюстраций.

²⁶ Цит. по: *Ширяева А.* Человек – гражданин Вселенной // Высшее образование в России. 2000. № 5. С. 118.

²⁷ *Данилевский Н.Я.* Космос. Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта. Отечественные записки. 1848. Т. 59, № 7. С. 19.